

РЕФЛЕКСИЯ НА ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЕТСТВА В УСЛОВИЯХ КОНЦЛАГЕРЕЙ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ: К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Аннотация. Публикация посвящена рефлексии взрослых на события и переживания детства, прошедшего в жесточайших условиях фашистского концлагеря. Представлены саморефлексии бывших узников концлагерей.

Ключевые слова: рефлексия на переживания детства, опыт, психическая травма, отсроченные последствия травмы.

Abstract. The article is devoted to reflection adults on the children's experiences of that took place in the most severe conditions of a Nazi concentration camp. Represented themselves self-ex-prisoners of concentration camps

Keywords: reflection on the experiences of childhood, experience, psychic trauma, term effects of trauma.

Предисловие

... Я не участвую в войне, –
Она участвует во мне...

Юрий Левитанский

Среди публикаций о Второй мировой войне особняком стоят книги о предельном опыте выживания человека в условиях фашистских концлагерей. Как правило, на свидетельство о «ликах небытия» решаются люди не совсем обычные, – те, кто способен отрефлексировать и осмыслить травматический опыт, поднявшись над ситуацией и став и наблюдателем, и наблюдаемым, и деятелем. Таковы, к примеру, профессиональные психотерапевты Бруно Беттельгейм и Виктор Франкл².

Журнал представляет особую книгу. В ней история заговорила головами «обычных людей», которым в детстве была навязана роль жертвы-испытываемого в жестоком социальном эксперименте.

Создатели книги «Эхо несостоявшегося детства» – члены молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее» Нижневартковского государственного гуманитарного университета (руководитель – профессор кафедры истории России НГГУ Н. В. Сапожникова) – помогли зазвучать

¹ Публикуется с согласия автора проекта Н. В. Сапожниковой по тексту книги «Эхо несостоявшегося детства: говорящая Книга Памяти (на материалах Нижневартковского общества бывших малолетних узников лагерей «Жертвы войны»). – Изд 2-е, испр. и доп. – Нижневартовск, 2011.

² См.: Беттельгейм Б. Люди в концлагере // Человек, 1992. – № 2–6; Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. – М., 2004.

Фото 1.
Обложка
книги

чать голосам тех, кто пережил опыт небытия в детстве: бывшим малолетним узникам фашистских концлагерей, проживающим сегодня в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Важность работы, проделанной создателями книги, трудно переоценить. Ее подтверждение – полученные награды: специальный диплом IV фестиваля краеведческой книги «Югорика-2010», посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне; золотая медаль «Патриот России» на Всероссийском конкурсе инновационных идей проектов патриотического воспитания детей и молодежи, который проводился под эгидой Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. В сентябре 2011 г. создатель проекта Н. В. Сапожникова стала лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную и учебную книгу.

(Наталья Осухова)

Рефлексии жертв, оказавшихся в фашистских концлагерях³

Семья Лебедевых

Лебедев Василий Трофимович родился в 1932 г. в деревне Буда Калужской области. После войны работал на острове Сахалин машинистом на буровых подъемниках. В 1970 г. был направлен в Нижневартовск, работал на Самотлоре. Перед уходом на пенсию по болезни в 1987 г. перенес четыре операции (последствия войны). Вместе с семьей уехал в Крым и там прожил 13 лет, после чего вновь вернулся в Нижневартовск. Имеет двоих детей – сына, который живет в Нижневартовске, дочь (живет в Москве), а также двоих внуков. Любимым занятием на пенсии стала рыбалка.

...Война застала в родной деревне 5 октября 1941 г. (было девять лет). В самом начале войны получил ранение в четырех местах ноги. После того, как немцы пришли в деревню, началась не жизнь, а существование. Немцы отбирали все: еду, одежду, дома, скот. Повесили объявление: «За укрытие скота – расстрел».

Из начальных событий войны запомнился приход партизан (мужчина и девушка), которые интересовались немцами и попросили еды. Я побежал домой, попросил мать собрать еды и отнес партизанам. Также хорошо запомнилось, что оккупанты всех пересчитали и называли «идиотами». Иногда некоторые немцы давали хлеб с маслом, но это было очень редко. Врезалось в память, когда они первый раз пришли в дом, порвали грамоту брата за хорошую учебу.

³ Запись и обработка воспоминаний произведена студентами Нижневартовского государственного гуманитарного университета в 2005–2008 гг.

Фото 2. Члены Нижневартковского общества бывших малолетних узников лагерей «Жертвы войны» на презентации книги «Эхо несостоявшегося детства»

3 мая 1942 г. всю деревню, в том числе нашу семью (мать с братьями) немцы погнали на станцию, откуда в товарных вагонах переправили в Брянск во временный лагерь для военнопленных – 142Д.

В лагере спали на нарах, которые находились по периметру стен в пять этажей. Кормили два раза в день баландой (остатки крупы и очистки картофеля с водой) и хлебом (150 г), соли не было. В камере постоянно стоял неприятный запах. Из-за начавшегося тифа каждый день заключенные вывозили трупы, среди которых нередко были близкие люди. Где-то через шесть-семь месяцев пребывания в лагере умерла мать.

Затем погнали в Карачево (50 км). В вагонах были только сидячие места, мест не хватало – ходили по трупам. В Орловской области расселили по домам. Потом опять лагерь. Режим в нем был жестокий: никуда не выходили, по всему периметру лагеря – колючая проволока; немцы приходили каждый день и устраивали пытки. К детям они относились так же, как и к взрослым: отсутствовали возрастные и половые ограничения. Когда находились в лагере, думали лишь о том, чтобы как-то спасти свою жизнь, выжить в таких условиях.

До июля 1943 г. я, одиннадцатилетний узник, находился в неволе. В ходе освобождения советской армией полегло много русских. Но через два дня взяли немецкую оборону и уже сами немцы попали в плен. До Родины добирались на машинах. Солдаты давали рафинад и сухари. Вернулись в родную деревню. Там все оказалось разбито, ни еды, ни одежды не было.

Даже сейчас, уже 60 лет спустя, тяжело вспоминать об «украденном» детстве. Все детство прошло рядом со смертью. Тому, что выжил, обязан только своему возрасту: молод был, потому и выжил. К тому же взрослые спасали детей ценой своей жизни.

Самые знаменательные дни – это 11 апреля, День освобождения от фашизма, день свадьбы с Александрой Федоровной и дни рождения детей.

Годы неволи остались навсегда в памяти. Остались и их последствия – перенес четыре операции, рано потерял мать. А главное, несмотря на то, что объездил полстраны (Грузия, Крым, Краснодарский край и т.д.), не достиг того, о чем мечтал!

Сейчас доволен всем. Вместе с женой ждем получения квартиры, так как проживаем в общежитии.

Лебедева (Носова) Александра Федоровна – родилась в 1936 г. в деревне Речица Калужской области.

...В октябре 1942 г., когда мне было шесть лет, немцы пришли в деревню и подожгли все дома. А жителей погнали до другой деревни, которая находилась в семи километрах. Шли пешком, многие падали и замерзали. Разместили в деревне Буда. Через некоторое время повезли в эшелонах до Брянских лагерей. В пути, а потом и в лагере многие умерли из-за тифа и ранений, в том числе и моя сестра.

Из «жизни» в лагере наиболее запомнился котел с баландой. Если не было своей посуды, то еды не давали. Ночью плохо спали из-за частых бомбежек. В лагере отсутствовали гигиенические средства: не было расчесок, гребни были только маленькие. В то время у девушек были очень хорошие волосы и немцы обстригали нас наголо, а потом делали из них канаты, которые были очень прочными. В лагере мужчины и женщины мылись вместе. И все же, несмотря на тяжелое время, люди были более жалостливыми, чем сейчас.

Освободили в Белоруссии. После прибытия в родную деревню дали домик, через некоторое время сыграли свадьбу с Василием Трофимовичем, потом пошли дети.

Гомера (Переведенцева) Наталья Афанасьевна – родилась 1930 г. в селе Польно Орловской области.

...По 1943 г. жили на оккупированной территории. Когда оккупировали село, погнали население до вокзала; кто не мог идти – расстреливали. На вокзале погрузили в телятники и повезли до Берлина. А там, на бортовых машинах – в лагерь. Работала на заводе, сметала стружку. Потом послали в парник (два километра пешком). Там ходили без конвоя, в одежде со знаком «OST».

Освободила советская армия 27 апреля в 1945 г. в шесть утра. За десять минут советские солдаты приказали уйти из лагеря, так как шел бой и солдаты хотели, чтобы было меньше потерь. До Одера шли пешком.

Определенной специальности не имею. Работала на кирпичном заводе, даже инженером. В 1980 г. вышла на пенсию. Семь лет назад умер муж. Тяжело перенесла эту потерю. Живу у дочек, по очереди. Имею пятерых внуков, которым вяжу носки, кофты, шапки, шарфы.

Нынешняя молодежь, на мой взгляд, не способна на самоотверженные поступки ради своей Родины. Ребенка, выросшего в мирных условиях, нередко отличает утрата представлений о цене хлеба и труда. И думается, что нашей стране нужна умная историческая память о Второй мировой войне и о цене, которую пришлось заплатить за Победу. Страна

обидела нас: до 1992 г. мы боялись сказать о том, что были в Германии. Каждый год, уже на Родине, велись допросы: подозревали в предательстве. Это нас-то, столько повидавших и переживших в свои детские годы! Всего и не расскажешь...

Барановская Лидия Сергеевна – родилась в 1928 г. в Белоруссии в деревне Творичевка Полесской области Мозерского района. Есть дочь-пенсионерка, двое внуков. После войны работала, где придется: санитарка, телефонистка. С 1983 г. на пенсии.

...Война меня застала в Полесском районе, когда было 13 лет. Было холодно, нечего есть, от немцев прятались в лесу. Немцы, когда пришли в деревню, согнали всех вместе, под открытое небо. Поместили в ветхий разваливающийся деревянный дом и вели допросы.

В 13 лет оказалась в лагере «Уперталь» (пригород Дюссельдорфа). Пленение длилось три года. В Германию везли в товарных вагонах, в которых было очень холодно. В лагере раз в неделю водили в баню, там проводили санитарную обработку в связи с большим количеством вшей. По прибытии на место конвоир отобрал десять человек и отправил на работу на вагонную фабрику. Работали по двенадцать часов в сутки в две смены. Очень хотелось есть, так как почти не кормили: давали суп из брюквы, капусты или шпинат, кофе такой, что невозможно пить. Хлеб давали маленькими кусочками (двадцать на пять сантиметров) на четыре дня. Говоря о лагерной жизни, сложно выделить что-то одно самое страшное, страшным было абсолютно все! Ужасающе было слышать звуки бомбежки, разрывы бомб. Во время бомбежки прятались в ямах, где лежали бревна и песок.

Вы счастливые дети – у вас было и есть детство, к счастью! А у нас его «украли» проклятые фашисты. Берегите свое детство и детство своих детей, ведь прошлого не веротишь...

Зуйкова (Кузенкова) Тамара Григорьевна – родилась в 1940 г. в селе Воронцово Орловской области. В 1943 г. находилась в лагере в Брянской области.

...Стремительно наступали немецкие войска, занимая один за другим советские города и села. И всюду, где ступала вражеская нога, стояли стон, слезы и крики. Село Воронцово Орловской области, где жила наша семья, вскоре тоже оказалось занято оккупантами. Только по рассказам мамы знаю, как все было. Отец Григорий Алексеевич в ту пору уже воевал на фронте, оставив в доме маму, Татьяну Матвеевну, да троих детишек: шестилетнюю Марию, меня трехлетнюю и сынишку Толика, которому едва исполнилось полтора годика.

В село нагрянули фашисты. Всюду слышалась грубая немецкая речь да лай собак. Опустели улицы, жители попрятались по домам. Нередко раздавались автоматные очереди. Никого не щадили враги: ни стариков, ни женщин, ни детей. Мама прижала всех троих к себе, чтобы мы не боялись. В дверь вдруг громко застучали. Это были немцы. Странные тогда слова немецкого офицера я помню до сих пор: «Русиш

швайн! Шнель, шнель!» И всех деревенских жителей выгнали из домов, посадили в машины и увезли в Брянск – в концлагерь. Так началась жизнь за колючей проволокой. Дети нужны были гитлеровцам для того, чтобы брать у них кровь для своих солдат. Худые, изможденные ребятишки часто не выдерживали очередную сдачу крови. Почти всех ожидала верная смерть.

Но нам еще повезло, мы дожили до того счастливого дня, когда советские солдаты освободили заключенных. Это случилось в конце 1943 – начале 1944-го года. Вернулись на родину сельчане, выжившие в невероятных условиях, а ждали их только печные трубы на месте домов.

Когда закончилась война, вернулся с фронта отец – живой, долгожданный, надежда и опора семьи. Он возглавил колхоз, а мать пошла работать на ферму телятницей. Она всячески старалась, чтобы дети как можно скорее забыли все ужасы фашистского плена. Уже много позже, когда мы стали взрослыми, она понемногу начала нам рассказывать о нелегких годах, проведенных в концлагере.

В 1974 г. я приехала в Нижневартовск. Много лет работала товароведом в ОРСе, а сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе. Рядом всегда был муж Валентин Алексеевич. Вместе воспитали хорошего сына, теперь уже и внучка Дашенька радуется бабушку и дедушку. Разве можно теперь представить, что ей, маленькой девочке, довелось бы пережить ужасы фашизма и остаться в живых? А сколько людей погибло в холодных бараках, умерли от голода, издевательств и невероятного труда, были расстреляны или сожжены в печах крематория...

Цуканова (Саутченкова) Мария Митрофановна – родилась в 1937 г. в деревне Теребушка Брянской области Суземского района.

...22 июня 1941 г. началась война, отец ушел на фронт в первые дни войны. Много позже мы узнали, что он погиб под Севастополем. Уже через три месяца вся Брянщина и украинские земли, с которыми граничит область, были оккупированы немецкими войсками. Попавшие в окружение красноармейские части малыми группами прорывались и уходили в непроходимые лесные чащи знаменитого Брянского леса. Малые группы объединялись в отряды, возникло партизанское движение, позже была налажена радиосвязь с Москвой. За деревней Смилиж в глубине леса находился аэродром. Больных и тяжелораненых самолетом отправляли на лечение (на большую землю). Наша деревня находилась в двух километрах от железной дороги Москва–Киев. Деревню сожгли, мы сбежали в лес и находились в партизанской зоне, жили в землянках. В тылу немцев партизаны вели подрывные работы. После поражения немецких войск под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге на борьбу с партизанами бросили несколько немецких дивизий. Немцы шли цепью, прочесывая лес...

В мае 1943 г. мы попали в плен. Гнали нас несколько дней через сожженные деревни, где торчали только печные трубы. Пригнали в поселок Локоть Брасовского района. Лагерь был обнесен со всех сторон колючей проволокой. На территории лагеря стояла виселица, вокруг немцы и

их союзники – мадьяры, венгры. Было много полицаев. Людей сортировали, куда-то уводили, а кого-то тащили к виселице, при этом били прикладами автоматов, пинали ногами. Здесь, в поселке Локоть, до войны был известный на всю Россию племенной конезавод. Пришла война, коней угнали, а конюшни завода стали тюрьмой. На территории тюрьмы стояла вышка, на вышке – автоматчик-часовой. За связь с партизанами, за сочувствие к ним мирное население бросали в тюрьму. Стоял стон, людей набивали в стойла так, что не только лечь, но и даже сесть было невозможно. Освободила нас Красная Армия в конце августа 1943 г. Ровно через год, в 1944 г., мы вернулись домой на пепелища.

Новоселова (Пронина) Ольга Владимировна – родилась в 1938 г. в деревне Мужитино Калужской области. Имеет двоих сыновей (41 год и 38 лет), двоих внуков (16 и 13 лет). Уже пять лет как вдова, с мужем прожили 38 лет.

...Когда началась война, мне было два с половиной года. В семье было пять девочек и один мальчик. Отца сразу забрали на войну. В 1943 г. в деревню пришли немцы на танках и мотоциклах. Начали сгонять жителей по несколько семей в одну избу – себе освобождали жилье.

11 сентября посадили в повозки и повезли до Брянска. Мне хорошо запомнилось то, что на всем пути валялись убитые люди, скот; стоял невыносимый запах от покойных. В Брянске людей перегрузили в товарные вагоны и повезли в Эстонию. Мама куда-то уходила ночью и приносила куски хлеба, сало. Мы потом уже узнали, что она под страхом смерти ходила побираться у эстонцев, чтобы нас накормить, рисковала своей жизнью.

В августе 1944 г. узников опять готовили к отправке неизвестно куда. Постригли всех наголо. Я никогда не забуду, как нас запускали в жаркие шкафы; стоим, уши горят. После этого – в бассейн с хлорированной водой. Надевали полосатые куртки, брюки не по размеру. В этот раз людей погрузили на корабль. Старых и больных оставили, а когда корабль отплывал, сарай с оставшимися узниками подожгли.

Приплыли в Германию в г. Рехлин. Там наша семья пробыла с августа 1944 по май 1945 г. В лагере давали ведро баланды на семью. Хорошо запомнился немой немец, который возил на кухню брюкву, а мы бежали за повозкой, чтобы схватить брюкву. Он, если замечал нас, кидал вилы. Мы не понимали, глупые, что он мог и заколоть нас.

После того, как нас освободили советские войска, вернулись домой, но ничего не обнаружили – все сожжено, одни пни. Мать сразу забрали на допрос в КГБ. Интересовались, зачем, почему уехали, говорили, что, наверное, по желанию. После этого жила она с чувством вины. Это горе коснулось всех, но мы не озлобились.

После войны окончила семь классов. Как подросла, пошла работать на кирпичный завод, потом на предприятие по добыче торфа.

В 19 лет я уехала по комсомольской путевке в Алтайский край на поднятия целины. Жили весело. Там я и встретила своего мужа-баяниста. В 1973 г. семья приехала в город Нижневартовск, жили в балке. Работала

в строительной организации штукатуром-маляром, а муж – на башенном кране. Так мы и начали строить наш любимый город.

Затем 12 лет проработала в аэропорту на авиационной технической базе. В 1998 г. ушла на пенсию в 60 лет, имею 44 года трудового стажа.

...День Победы для меня означает радость и гордость, что победили такого страшного врага – фашизм. Не удалось им нас, как они считали, «низшую расу», поработить. Высшей наградой за свои страдания и слезы матерей считаю то, что нас признала Родина. Отпечаток, конечно, остался. Может, жизнь по-другому сложилась бы. Но мы не озлобились, только сожаление, что родители не дожили и не узнали, что мы не виновны и нас приравнивали к участникам, ветеранам Великой Отечественной войны.

Шляхтова (Новикова) Валентина Андреевна – родилась в 1940 г. в деревне Шаталово Смоленской области.

...Вспоминать особо нечего, потому что, когда попала в лагерь, то была очень маленькой и ничего не помню. Знаю только то, что рассказывала мама. Когда началась война, мама, я и двое маленьких сестер прятались в окопах по Варшавскому шоссе, в 250 км от Москвы. Отставшие советские солдаты часто просили еду, которой у нас и самих-то не было. Отец ушел на фронт. Выживали, как могли, боролись с голодом из последних сил. До сих пор пугаюсь гула самолета.

В послевоенные годы жили плохо: было очень голодно. Приехали сестры матери. Чтобы помочь прокормить детей, работали, где могли; за работу платили зерном и мукой. Собирали мороженую картошку. Воровали баранки у бабушки. Жить было невероятно тяжело, своего хозяйства не было, лишь по прошествии времени появилась корова. Подошло время, мы с сестрами пошли в школу. Велосипеда не было, поэтому с первого по четвертый классы ходила в школу за три километра от дома. С четвертого по седьмой классы – за пять километров, а с седьмого по десятый классы – уже за десять километров от дома. Жили всемером в одной комнатке. А когда отец вернулся с фронта, то стал делать пристройки к комнатке. Мама, чтобы хоть как-то прокормить семью, шила людям ручную, так как швейной машинки не было.

Червинская (Сорокопуд) Раиса Максимовна – родилась в 1936 г. в сече Киевское Крымского района Краснодарского края. Вдова с 1997 г., с мужем прожили 41 год. Имеет двоих детей: дочь (живет в Нижневартовске) и сына (живет в Белоруссии); пятерых внуков и одну правнучку. В Нижневартовск приехала в 1971 г. и сразу пошла работать в «Нижневартовскнефтьстрой» машинистом котельных установок. Работала по 1986 г., ушла на пенсию в 50 лет.

...Война застала в родной Кубани, мне тогда было семь лет, поэтому о войне помню очень много, но не обо всем хочется вспоминать. Когда отца забрали на фронт, вся тяжесть легла на плечи матери. Немцы, не спрашивая, заняли дом, а нас выгнали в подвал и мы там находились десятером (еще соседка со своими детьми). Было очень жутко, света не было: свеча

или лампа, но в основном в темноте. Мы сидели тихо – понимали, что идет война и нас могут убить. Мать, где могла, добывала нам еду, а когда мы выходили из подвала, то старались не попадаться немцам на глаза, потому что их это раздражало и они нас били.

Весной 1943 г. немцы собрали все село и насильственно погнали маршевой колонной: гнали, как скот, если кто не успевал идти – расстреливали. Это было страшно!

В вагонах привезли все село на Украину в Николаевскую область в Новооденский район, где мы и находились до освобождения советскими войсками. Всех расселили в деревне в старые дома, сараи. Мать пошла работать в колхоз, а дети помогали, как могли. В скором времени немцы пришли и сюда. Отобрали у нас последнее одеяло, под которым мы все спали. Мать не хотела отдавать и один из немцев хотел убить ее, но я очень плакала, умоляла, говорила, что мы умрем в чужом краю. Нас там так и называли – «чужие». В школу не пускали, били. В общем, жили мы там точно в неволе. Вскоре в деревню приехала разведывательная конница русских солдат. Так как наша семья жила на краю деревни, то они остановились у нас. Командир попросил табака и я показала, где его можно взять, за что получила кусочек рафинада и алюминиевую кружку. После того, как солдаты уехали, хозяйка, у которой мы жили, сильно избивала меня, после чего я сильно болела.

Когда дошли известия о том, что освобождена Кубань, семья вернулась домой. Дома-то и не было – одни стены, но мы радовались и этому. Стали работать – было трудно, но мы старались. Мы испытали все: страх, голод, холод, но все же выстояли! Уверена, что нет такого села, города, где бы не было памяти о Великой войне.

День Победы для нас – это святое! Как прекрасно, что мы дожили до ее шестидесятилетия! Не было у нас детства, рано мы стали взрослыми, так пусть у нас будет счастливая старость. Спасибо!

Храмова (Михайленко) Надежда Терентьевна – родилась в 1925 г. на Украине, в Житомирской области.

...Помню начало войны. Было воскресенье. После известия начался страшный переполох и очень быстро пришли немцы. Детей в семье было много. Страшно было. Многих сельчан сразу же расстреливали, других сжигали, загоняя в конюшни или в школу. От немцев спасались, как могли. Симулировали болезни, чистотелом натирались, заводили чесотку и вшей – немцы страшно этого боялись. На телегах нас погнали к железной дороге, посадили под замок. Увезли в Германию. Пригнали в лагерь рабочих, помню только улицу – Шансенберг. Там была фабрика была по выделыванию кожи. Нам нашили голубые таблички «OST» (восточный).

Сразу же пришла мысль о побеге, выбрались через речонку на железную дорогу. Сидели в лесу больше недели. Гестаповцы поймали, вернули в лагерь и посадили в карцер (цементные сидения, комната не больше нашего туалета, без окон).

Мы были жестоко наказаны, нас били по голове и ногам. В лагерь пришла немка и забрала к себе на работу. Убирала у нее золу из печи, стирала

до тех пор, пока пальцы до самых костей не стирались, очень жестокая была хозяйка, убежала от нее в Саарбрюккен, к другому хозяину, но над ним стоял все тот же хозяин, что и над лагерем. Хотели отдать в шахту, я расплакалась и меня отпустили в свой лагерь. Работала на французской кухне. Вскоре лагерь разбомбили. Спрятались в лесу, собрались колонной. Немцы нас угнали в другой лагерь, название не помню. Оттуда гоняли полы в учреждениях мыть, колени протирались. Было все равно, ребенок ты или взрослый человек, немцы не щадили никого. Здесь немцы вели себя особенно жестоко, заставляли людей себе же копать ямы для могилы, потом ставили людей в ямы и расстреливали. Все это происходило при детях. Конечно, и среди немцев находились такие, которые нас жалели, некоторые нас подкармливали. Но в целом было страшно!

Освободили нас американские войска в 1945 г., домой гнали через Пруссию пешком, далее по железной дороге вывезли в степь на карантин (от сифилиса). Оставили без воды и без еды, мы ходили по дачам попрошайничали. Потом наших водили на допрос в КГБ. Домой попала только в 1946 г.

Помню страшные картины: в одном из немецких военных городков, вблизи озера Озели, нам показывали могилы людей, залитых вживую раскаленной смолой. На немецкой перевалочной базе одна из комнат была полностью увешана трупами людей. Их разрезали, вытаскивали внутренности, наталкивали вместо них солому и подвешивали за горло на крюк.

О чем наиболее тяжело вспоминать – так это об украденном детстве, самой лагерной обстановке, послевоенном периоде «филтрации» с его «особым» отношением к бывшим узникам. Современное отношение к отечественной истории в целом и пожилым людям в частности в нашей стране, полагаю, нужно менять в сторону действительной заботы, внимания и памяти! Поздно о нас вспомнили, многие из нас уже умерли...

А какую огромную радость испытывали мы от возвращения на Родину, домой! После войны нашла себе мужа, его по путевке послали на целину в Казахстан, там сорок лет и прожила, там дети появились, а потом и внуки.

(продолжение следует)

